

Vilhelm von Humboldt: dil və dil vahidlərinin təkrarlanması məsələsi

Gülmar İsrailova
filologiya üzrə fəlsəfə doktoru, dosent
e-mail: gulmar.aliyeva@gmail.com

Xülasə

Koqnitiv dilçilik, təməlləri Amerika və bəzi Qərbi Avropa alimlərinin araşdırmaları ilə qoyulmuş ümumi nəzəri idrak moduna aid olaraq deyil, müstəqil bir dilçilik elmi olaraq formalaşmışdır. V.Humboldtun dilin antroposentrik təbiəti haqqında fikirləri, dil və psixoloji əsasları (fikirləri) A.Potebnya və bəzi digər rus alimlərinin əsərlərində vaxtında olduqca optimal şəkildə inkişaf etdirilmişdir. Bu müddəə, koqnitiv dilçiliyin əsas quruluşunun mənşəyi Potebnya və onun tərəfdarları olduğu idrak psixologiyası və psixolinqvistikanın parametrik məlumatları ilə müəyyənləşdirildiyini düşünməyə əsas verir. Bu gün dil kimi natamam başa düşülən bir fenomenin daha da qeyri-müəyyən bir həqiqətlə - düşüncə prosesi, düşüncə ilə əlaqəsini tanıyan hər hansı bir fiVkri normal qəbul edirik. Düşüncə qabiliyyətli bir insanın bu son dərəcə mürəkkəb insan nitq düşüncə fəaliyyətində mərkəzi yerini qeyd-şərtsiz tanıyıraq və antroposentrik fikirləri müasir dilçilik üçün açar hesab edirik.

Açar sözlər: dil vahidi, koqnitiv diçilik, konsepsiya, linqvokulturologiya, konsept.

Вильгельм фон Гумбольдт: вопрос о воспроизводимости языка и языковых единиц

Исрафилова Гюльмар
доктор философии по филологии, доцент
э-почта: gulmar.aliyeva@gmail.com

Резюме

Когнитивная лингвистика сформировалась как самостоятельная лингвистическая наука не как дань общетеоретической когнитивной моде, основы которой закладывались исследованиями американских и некоторых западноевропейских ученых. Складывалась она в лоне идей В.Гумбольдта об антропоцентрической природе языка, лингво-психологические основы которых (идей) были достаточно оптимально

развиты в свое время в трудах А.Потебни и некоторых других русских ученых; это положение дает основание считать, что базовую структуру когнитивной лингвистики во многом определяют параметрические данные когнитивной психологии и психолингвистики, у истоков которых стояли Потебня и его последователи. Сегодня мы воспринимаем как должное всякую идею, признающую связь такого не до конца понятного феномена, как язык, с еще более туманным фактом – мыслительным процессом, мышлением. Безоговорочно признаем центральное место мыслящего-говорящего человека в этом архисложном процессе речемыслительной деятельности человека, а антропоцентрические идеи считаем ключевыми для современной лингвистики.

Ключевые слова: единица языка, когнитивная лингвистика, концепция, лингвокультурология, концепт.

Wilhelm von Humboldt: the question of the reproducibility of language and linguistic units

Israfilova Gulmar
doctor of philosophy, associate professor
e-mail: gulmar.aliyeva@gmail.com

Summary

Cognitive linguistics was formed as an independent linguistic science, not as a tribute to the general theoretical cognitive mode, the foundations of which were laid by the research of American and some Western European scientists. It took shape in the bosom of V. Humboldt's ideas about the anthropocentric nature of language, the linguistic and psychological foundations of which (ideas) were quite optimally developed in due time in the works of A. Potebnya and some other Russian scientists. This provision gives reason to believe that the basic structure of cognitive linguistics is largely determined by the parametric data of cognitive psychology and psycholinguistics, at the origins of which were Potebnya and his followers. Today we take for granted any idea that recognizes the connection of such an incompletely understood phenomenon as language with an even more vague fact - the thought process, thinking. We unconditionally recognize the central place of a thinking-speaking person in this extremely complex process of human speech-thinking activity, and we consider anthropocentric ideas key for modern linguistics.

Key words: language units, cognitive linguistics, conception, linqvokulturology, concept.

Вильгельм фон Гумбольдт: вопрос о воспроизводимости языка и языковых единиц

Аннотация. Статья посвящена лингвофилософским идеям, составляющим основу концепции В.Гумбольдта. Особое внимание уделяется вопросу о воспроизводимости языка вообще и языковых единиц в частности, констатируя, что «язык являет собой постоянно возобновляющуюся работу духа. В статье приведены основные тезисы о когнитивно-теоретических основах текста в европейской и русской лингвистике. Рассматривается и объясняется понятие язык как одно из значительных средств пространственно-временного бытия, существования самого человека, теоретические проблемы восприятия и формирования языка. Когнитивная лингвистика определяется как направление в языкознании, которое исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия. Говоря о лингвистах, положивших в основу когнитивной лингвистики, необходимо отметить заслуги Ф. Гумбольда, Е. С. Соболева, Е. С. Кубрякова, Розина Р. К., Л. Талмы, Ч. Филлмор, Р. Лангакер, К. Лакофф, У. Чейф, и др. Эти ученые исследовали явление когнитивного представления объекта и определили определенные когнитивные категории и явления, что повлияло, в свою очередь, на исследования российских и азербайджанских ученых.

Актуальность. Актуальность исследования указанной проблемы обусловлена тем, что когнитивная лингвистика испытывает состояние бурлящего потока, который, как правило, особой прозрачностью и ясностью не отличается. Неясным остается целый ряд проблем и частных вопросов, окончательное уяснение которых стоит на повестке дня и во многом определяет степень актуальности нашего исследования. Исследованием вопросов когнитивной лингвистики занимаются достаточно известные зарубежные ученые, такие, как Вильгельму фон Гумбольдту, Р.Лангаккер (его «Foundations of Cognitive grammar» считается конституцией лингвокогнитологии), Рене Дирвен, Чарльз Филлмор, Рей Джекендофф, Джордж Лакофф, Реймонд Гиббс, Анна Вежбицкая и другие, чьи основополагающие работы уже переведены на русский язык.

Метод. В статье применяется метод многоступенчатого когнитивного анализа конкретного языкового материала с применением исходных принципов системного описания, а также компонентно-семного

анализа при установлении функционального назначения отдельных элементов единой сложной структуры.

Введение. Сегодня общепринятым признается мнение о том, что лингвокогнитивная теория (когнитивная лингвистика, лингвокогнитология) – направление языкознания, «восходящее к классику мировой науки Вильгельму фон Гумбольдту»: это исследование сущности языка в неразрывной связи с мыслительно-ментальной деятельностью человека, субъекта речи (3, 4), изучение языка с точки зрения его роли в процессе познания действительности.

Сегодня мы воспринимаем как должное всякую идею, признающую связь такого не до конца понятного феномена, как язык, с еще более туманным фактом – мыслительным процессом, мышлением. Безоговорочно признаем центральное место мысляще-говорящего человека в этом архисложном процессе речемыслительной деятельности человека, а антропоцентрические идеи считаем ключевыми для современной лингвистики.

К этим мыслям мы пришли прежде всего благодаря фундаментальным трудам В.Гумбольдта – «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1835) и «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития», а также трудам А.А. Потебни «Мысль и язык» (1862), «Из записок по русской грамматике», а также его трудам по теории словесности.

Выявлена система лингвофилософских идей, составляющих основу концепции В.Гумбольдта, который

– рассматривает язык не как коммуникативный механизм, средство общения, а как одно из значительных средств пространственно-временного бытия, существования самого человека;

– язык понимается как непрекращающийся творческий порыв, творческая деятельность, «глубочайшего и тончайшего вторжения языка в движение духа»;

«← язык не мертвый продукт мышления, а продукт энергийного соотношения мышления и речи: «язык не инструмент, он живет в деятельности»;

– язык народа и дух народа – одно и то же: язык народа есть его дух, дух народа есть его язык – «трудно представить себе что-либо более тождественное», оно «недоступно для нашего разума» (сравни с положением И.Канта о непознаваемости мира «вещей в себе»);

– язык признается ключевым средством в системе аксиологии всех видов деятельности человека, основа так называемой картины мира, которая неповторима для каждой нации (народа);

– в каждом языке заложена специфическое мировоззрение, мироощущение; язык – посредник между говорящим субъектом и внешним миром.

– исключительна роль языка в формировании творческого мышления человека, его индивидуально-инвариантного миропонимания, в его самопознании;

– внутренняя форма языка противопоставляется внешней форме; под внутренней формой понимается абстрактно-моделирующее устройство языка, функциональные структуры речемыслительных связей: «чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерной и богаче развитие последнего» (2, 47).

Все эти мысли заслуженно высоко оцениваются исследователями в смысле формулировок принципов развития языковой системы, ее обусловленности от национального самосознания и народного духа.

Однако нам хотелось бы получить в трудах великого ученого оценки и сведения о той материальной части, которая называется сферой воспроизводящихся единиц и которая более чем какая бы ни была сфера лексико-грамматических средств сильно связана с репрезентацией духа народа, его самобытного мировидения и мироощущения.

Явных и конкретно соотносящихся с фондом УСК или с определенными его разновидностями оценок и констатаций у В.Гумбольдта мы не нашли. По этому вопросу нет особых сведений также в работах исследователей, занимавшихся научной (лингвистической) деятельностью В.Гумбольдта.

Положение, видимо, связано с тем, что немецкий ученый предпринимал попытки осмысления и теоретической аргументации ключевых вопросов языкознания и сравнительного языковедения на более доступном – лексическом материале десятка-полтора языков (начиная от санскрита, кончая языками полинезийских аборигенов, а также американских деловаров), которыми он владел.

Между тем нельзя сказать, что Гумбольдт совершенно не касался вопросов воспроизводящихся единиц языка. Он об этих моментах высказывался в общем духе своих трудов – в духе концептуально-абстрактных формулировок, которые оказались несколько оттененными, как вроде бы само собою разумеющимися. Ведь паремиио-фразеологические (да и вообще все виды УСК) единицы отличаются от свободно конструируемых структур языка как раз тем, что эти конструкции (поговорки, пословицы, фразеологизмы и т.п.) складываются «в меру воодушевления, свободы и мощи совокупно действующих духовных творческих сил. Это воодушевление должно было охватывать всех индивидов сразу, каждый здесь нуждался в поддержке (читай – в

понимании) других: ведь всякое вдохновение разгорается только в опоре на уверенность, что тебя понимают и чувствуют» (2, 49).

Такое концептуальное осмысление единиц воспроизводящегося фонда, «свободного потока речи и пения» вполне созвучно идеям А.Потебни, который все теоретические положения своего учителя, связанные с речеосмыслением и перцепцией, объясняет с опорой на паремioфразеологический материал русского языка (см. об этом чуть ниже).

Действительно, при использовании в речи какой-то пословичной единицы подспудно наблюдается гумбольдтовское «воодушевление (т.е. поэтическая сила пословицы, например – И.Г.) должно охватывать всех индивидов сразу», поскольку оно является результатом «воодушевления и мощи совокупно действующих духовных сил», определяющих факт заложенности самобытного мирозерцания в каждом отдельном языке.

Из такого понимания следует: «умственная деятельность и язык допускают и вызывают к жизни только такие формы, которые удовлетворяют их запросам» (2, 68). Эти формы, как правило, удовлетворяют критериям взаимосвязи эмпирического опыта и концептуальной картины мира: «Эмпирический опыт дает знание, а знание создает концептуальную картину мира» (4, 9).

Особый смысл придавал Гумбольдт вопросу о воспроизводимости языка вообще и языковых единиц в частности, констатируя, что «язык являет собой постоянно возобновляющуюся работу духа... В беспорядочном хаосе слов и правил, который мы по привычке именуем языком, наличествуют лишь отдельные элементы, воспроизводимые – и притом неполно – речевой деятельностью» (1, 70).

В.Гумбольдт считает воспроизводимость (в самом широком смысле слова) языковых единиц принципиальным моментом не только в формировании устойчивости всей структуры языка, но и в формировании общенародного мышления. Образованное кем-то слово звучит в устах другого – при этом возрастает объективность, а субъективность не испытывает особого ущерба, поскольку языковое сообщество чувствует свое единство; «однако в этом общем достоянии каждый человек обладает чем-то своим, особенным, что все время модифицируется и совершенствуется под влиянием индивидуальных модификаций других людей» (1, 77).

Действительно, практически все виды устойчивых конструкций живут в пределах системы синонимико-вариантных и контекстуально адаптированных форм, подтверждающих языковую реальность этих форм: язык являет собой источник духа и переживаний прежних поколений и хранит их живое дыхание (1, 81).

Именно на этой почве сошлись интересы И.Канта, который основную задачу философии видел в ответе на вопрос «Что такое человек», и В.Гумбольдта, ответивший на этот вопрос весьма остроумно: «Человек является человеком только благодаря языку, а для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком» (2, 205).

Лингво-философская концепция В.Гумбольдта всесторонне был анализирован А.Потебней в книге «Мысль и язык» (1862), в которой автор развивая идеи Гумбольдта, выражает свое отношение ко всем категориям и принципам гумбольдтовской концепции языка и вносит коррективы в понимании ключевых моментов с позиций своего времени – 60-х годов XIX века.

А.Потебня высоко оценивал выдвинутое Гумбольдтом положение о том, что язык не есть мертвое произведение (эргон), а вечно повторяющееся усилие духа, т.е. деятельность (энергея) (5, 56).

Для нас в данном случае не столь важно общее отношение А.Потебни к наследию Гумбольдта вообще. Здесь нас занимает более конкретные вопросы, касающиеся цельности не только членораздельного звука, но и целого высказывания, слова как средства апперцепции и как платформы для формирования понятий (концептов в современной терминологии). Особый интерес для нас представляет то, как Потебня объясняет, растолковывает достаточно абстрактно представленные Гумбольдтом категориальные положения на материале пословиц, поговорок и иных устойчиво-воспроизводящихся в русском языке единиц. Так, например, категория апперцепции, которая по Потебне «есть участие сильнейших представлений в создании новых мыслей» находит свое «средство» в собственных сравнениях: *мирская молва – морская волна*, потому что и молва и волна отличаются непостоянством; *желтый цвет – женский привет: как цвет отцветет, так и привет пропадет* и т.п. Общее между двумя членами сравнения есть и средство апперцепции» (5, 138).

И, следовательно, смысл пословицы покоится на апперцепции: она – опыт, знание, заложенные в памяти человека. Поэтому значение метафоры базируется не на простом переносе, как считается, а на переносе, обязательно сопровождаемом апперцепцией: слово или высказывание, «взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звуковой материи, есть средство прежде всего понимать говорящего, апперцептировать содержание его мысли» (5, 139).

В своих толкованиях гумбольдтовских идей Потебня вскрывает некоторые глубинные положения по-своему. Так, например, формулу «всякое понимание есть вместе с тем непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе несогласие» Потебня объясняет не с точки зрения

конкретного пространственно-временного потока речи или диалога, а с позиций психологических основ процесса понимания: «Правда, что содержание, воспринимаемое посредством слова, есть только мнимо-известная величина, что думать при слове именно то, что другой, значило бы перестать быть собою и быть этим другим, что поэтому понимание другого в том смысле, в каком обыкновенно берется это слово, есть такая же иллюзия, как та, будто мы видим, осязаем самые предметы, а не свои впечатления; но нужно прибавить, это величественная иллюзия, на которой строится вся наша внутренняя жизнь. Чужая душа действительно для нас потемки, но много значит уже одно то, что при понимании наших собственных представлений примешивается мысль, что мыслимое нами содержание принадлежит вместе и другому» (5, 141).

Эта мысль Потебни не получила своего должного осмысления по сей день, особенно в паремиофразеологии. Мы вправе думать о том, что здесь кроется определенный ответ на вопрос о причинах генерации, формирования в языке пласта устойчиво-стабильных конструкций. Отмеченные единицы для того и создаются в языке, чтобы минимизировать полярные масштабы, диапазон восприятия значения произнесенного слова, чтобы подвести понимание определенной ситуации под стабильно-однозначный ресурс, факт, формулу, в которой не остается места для «кривотолков», для многозначности, граничащей с непониманием, поскольку данное языковое выражение входит в арсенал системы социума, в систему социальной (общепринятой) апперцепции. Данная мысль Потебни – ключ к психолингвистической основе появления устойчивых комплексов в языке как универсального процесса.

Это стабильное свойство (конституент) отмеченных единиц, видимо, и послужило причиной того, что великий ученый абсолютное большинство категориальных вопросов психолингвистического осмысления человеческого духа, его неповторимости объясняет через когнитивное понимание, толкование языковых единиц, являющихся бесспорными выразителями этого народного духа, самовыражения и самопонимания народа, его пространственно-временного бытия в целом.

Чуть выше мы увидели, как Потебня объясняет сложные, абстрактные вопросы антропоцентрического видения языка при помощи поговорочных выражений «мирская молва – морская волна», «чужая душа потемки» и т.п.

На протяжении всей книги «Мысль и язык», а также цикла «Из записок по теории словесности» Потебня представляет прекрасные образцы когнитивного анализа пословично-поговорочных выражений, практически вплотную касаясь ключевых вопросов не только вышеупомянутой лингвистической теории Гумбольдта (внутренняя форма

слова, апперцепция, понятие, сгущение мысли, народный дух и т.п.), но и частных вопросов поэтики этих выражений, диалектики их становления и семантического развития, их символического назначения, этимологии и других серьезных вопросов соотношения народной истории и народного быта с народным мышлением.

Особенно интересно, как Потебня поясняет гумбольдтовскую категорию внутренняя форма слова на материале анализа пословично-фразеологических единиц русского языка .

Заключение. Антропоцентрическая теория языка исторически полно и всесторонне представлена в трудах Гумбольдта, но серьезное развитие получила лингвистической деятельности А.Потебни, с чьим именем связано формирование психологической школы в русском языкознании. Потебня представил в свое время личное понимание практически всех категориальных положений антропоцентрической теории Гумбольдта, внося в них свои более аргументированные коррективы, исходя при этом (что для нас в данном случае достаточно важно) из трактовки семантико-символической сути устойчиво воспроизводящихся единиц русского языка, в которых, как считает Потебня, так называемые национальный дух или внутренняя форма языковой единицы (ключевые категории антропоцентризма) относительно более четко и устойчиво структурированы, чем в свободных единицах того или иного языка.

Список литературы:

- 1.Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984, 396 с.
- 2.Гумбольдт В. О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В.Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию (под ред. Г.В.Рабиновича). М.: Прогресс, 1984, с.37-300.
- 3.Норман Б.Н. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта-Наука, 2013, 254 с.
- 4.Павиленис Р.И. Проблема смысла (современный логико-философский анализ языка). М.: Мысль, 1983, 286 с.
- 5.Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976, 614 с.